

ИСТОРИЯ ПАЦИФИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕКТЕ ДУХОБОРОВ (XVIII-XX вв.)

СЖ Минькоба

Сто лет назад 29 июня 1895 г. на отдаленных окраинах Российской Империи в Тифлисской, Елизаветпольской губерниях и Карсской области духоборы-постники, собрав все имевшееся в их домах оружие, сожгли его в знак протеста против убийства и войны. Эти события имели сильный резонанс среди пацифистов России, Англии и Америки, и, пусть даже на небольшой срок, сплотили людей разных национальностей и вероисповеданий в едином стремлении поддержать и оказать помощь гонимым за высокие идеи духоборам. "...Существует коварный обман, посредством которого людей уверили и уверяют, что мир невозможен и война необходима... Поступки духоборов срывают последние покровы обмана, скрывавшие от людей истину... И вот это-то освобождение от обмана и, вследствие этого, приближение к установлению действительного мира на земле и есть великая в наше время заслуга духоборов", — писал Л.Н. Толстой, высоко оценивший отказ кавказских духоборов-постников от оружия и службы в армии¹. Отблеск этих костров и ореол страданий, которые пришлось пережить духоборам после этого, были настолько сильны, что мешали спокойно, без излишних эмоций рассмотреть сущность их пацифистского движения.

Пацифизм неразрывно связан с верой в Бога как подателя жизни, с верой в то, что человек создан по образу и подобию Божьему, и его жизнь на земле — миг перед переходом в вечность. Любой христианин, последовательно выполняющий евангельские заветы, неизбежно должен быть пацифистом, однако на практике это оказывается далеко не так. Христианство разных направлений, становясь государственной религией, обосновывало и оправдывало внутреннюю и внешнюю политику своих государств, основанную на насилии. Пацифизм по своей сути противоположен патриотизму, так как ценность человеческой жизни он ставит выше интересов государства; он несовместим и с личным эгоизмом, так как запрещает уби-

вать других даже во имя спасения себя. В любом государстве последовательный пацифист неизбежно приходит к конфликту с властями, поэтому далеко не каждый даже искренне верующий человек способен до конца нести этот тяжелейший крест. Не удивительно, что пацифизм в наиболее последовательном своем воплощении был характерен только для некоторых христианских сект: вечно гонимых, не имеющих отечества и фанатично отстаивающих свои религиозные принципы, например, для квакеров и меннонитов. Среди русских сект к ним можно отнести духоборов, хотя их и нельзя считать последовательными пацифистами.

Секта возникла в начале XVIII в. в Слободской Украине, затем быстро распространилась главным образом в Тамбовской и Воронежской губерниях среди однодворцев, казачества, дворцовых крестьян. В основе духоборческого учения лежали идеи западного протестантизма, прежде всего, видимо, польско-литовского социнианства. В самом начале XIX в. по указу Александра I духоборам было разрешено поселиться всем вместе вдаль от православных в Таврии, а в 1841-45 гг. они были выселены в отдаленные, недавно присоединенные к России районы Закавказья, где до сих пор живут их потомки.

В соответствии с духоборческим учением человек — это храм Божий, ибо в каждом — в памяти, разуме и воле пребывает Св. Троица. Покуситься на жизнь человека — страшный грех, так как это равносильно тому, чтобы покуситься на самого Бога. Господь сотворил первого человека по своему образу и подобию, и все произошедшие от Адама равны и свободны. Но люди размножились, возникли разные веры и царства, появились ненависть, стяжательство и убийство. "Войны, сопровождаемые притеснением и убийством других равных и подобных во всем между собою, есть грех самопроизвольный и противный вере"². Вместе с тем духоборы считали, что в случае войны "они должны только себя защищать в границах от неприятеля, а не нападать на него и убивать"³, "Моисеев закон, дозволяя защищать себя, нигде не говорит об отечестве"⁴. В теории духоборы все-таки различали убийство вообще и убийство в целях защиты, допуская последнее как вынужденное.

Для русского народа всегда существовала неразрывная связь между этническим самосознанием и осознанием государственной и конфессиональной принадлежности: русский — значит православный, а отечество русских — Россия, правит ею помазанник Божий, поэтому война с любым врагом — это война за веру, царя и отечество. Для духоборов этой взаимосвязи не существовало. Они отвергали "рукотворенную цер-

ковъ” с ее таинствами, образами, мощами, не признавали священников, о которых всегда отзывались крайне отрицательно. Поскольку они не считали себя православными, то и русскими тоже не считали. В соответствии с их учением, отечество там, где Бог, а они его подданные. Видимо, в XVIII в. под отечеством они подразумевали Царство небесное. Российская империя — не отечество, а государство, которому они платят дань в виде податей, но защищать которое не обязаны. Во время следствий о секте и духовные и светские власти всегда интересовало отношение духоборов к государству и его главе. Царя сектанты никогда не признавали за помазанника Божьего, а за старшего, выбранного народом для управления государством. В целом, считали духоборы, власти в мире необходимы, ибо они удерживают “злость человеков”, но не просто любые власти, а от Господа. Иначе “злые” пожрали бы “людей Божьих”, каковыми духоборы считали себя. Для чад Божьих власти и законы вообще не нужны, так как они живут по высшим законам Христа⁵. Духоборы неоднократно подчеркивали, что власти “милостивые от Бога”, и они повинуются тем властям, которые не преступают царского (Божьего) повеления. Духоборы совершенно определенно связывали свое отношение к государству и защите его с отношением последнего к своей секте. В 1792 г. екатеринославские казаки на допросе заявили, что они будут сражаться за Ее Величество и ее закон и молиться за всех жителей России, если им разрешат свободно совершать богослужение и отпустят сидящих за слово Божие под стражей, “а ежели сей милости к ним не последует, то отрицают признавать Ея Императорское Величество за государыню и ея закон, также и против неприятеля сражаться”. В интересах своей секты духоборы вполне допускали возможность участия в войне. В этом вопросе проблема ненасилия из теории переходила в практику и решалась в соответствии с обстоятельствами. Правда, некоторые, наиболее фанатично настроенные члены секты утверждали, что они хотят служить одному Богу, а государь над ними не власть⁸.

Интересно то, что среди духоборов было много казаков и служилых людей, профессионально владевших оружием и участвовавших в войнах, которые в изобилии вела Россия в XVIII в. В многочисленных прошениях на имя императрицы или высокопоставленных чиновников духоборы, желая расположить их в свою пользу, обычно указывали, что многие из них проливали за государыню кровь. Вместе с тем среди последователей секты было много дезертиров. Так в царствование Александра I по манифесту из-за границы вернулось

40 бежавших ранее от воинской повинности духоборов⁹. Во второй половине XVIII в. всех упорствовавших в своем заблуждении духоборов отправляли на службу в Вологодский полк, стоявший в Азове. Известно, что во время одной из русско-турецких войн, видимо, 1787-91 гг., несколько духоборов, служивших в Вологодском полку, бросили оружие, за что и были расстреляны¹⁰. Но массовых отказов от службы в армии в XVIII в. не было, так как результатом подобных действий было бы полное уничтожение секты.

Указ Александра I об освобождении сектантов из ссылок и тюрем и разрешение духоборам поселиться в Таврии и свободно отправлять свои обряды было воспринято ими как величайшая милость. В исторических преданиях духоборов Александр I навсегда остался милостивым монархом, сочувствовавшим их учению. В этот период духоборы создали как бы свое маленькое государство, жившее по неписанным законам. Руководил их духовной жизнью “живой бог”, который жил в так называемом Сиротском доме, содержащимся всем обществом и получившим такое странное название потому, что там призревались сироты и одинокие старики. Чтобы местные власти пореже заглядывали в их поселения, духоборы платили вперед все подати, сами решали споры и уголовные дела, сведя отношения с государством до минимума. Главной проблемой стала рекрутская повинность. В 1805 г., вскоре после переселения на Молочные Воды, они обратились к царю с прошением не брать с них рекрутов натурою, а брать деньгами, подобно тому, как предписано для пограничных селений, так как среди них много стариков и увечных. Однако Александр I велел в таком случае брать малолетних для флота. В 1813 г. три селения (Горелое, Кириловка и Ефремовна), находившиеся в 100-верстном от границы расстоянии, видимо, не без давления духоборов были все же освобождены от поставки рекрут натурою, которую им заменили выплатой тысячи рублей за каждого². Остальные шесть селений тоже начали ходатайствовать о распространении на них закона о 100-верстной пограничной зоне. Одновременно, однако, они поставили вопрос о сохранении за ними права “нерадивых к домостроительству и неугодных обществу благоволено было ставить натурою”¹³, то есть духоборы считали возможным и даже необходимым использовать рекрутчину как наказание. Хотя по сути, если следовать их учению, отдавая человека в солдаты, они сами толкали его на нарушение заповеди “не убий”, и тем самым шли против воли Христа.

В 1834 г. у духоборов появилась еще одна возможность избежать воинской повинности: им было разрешено причислять к

..^цвам магометан (живших рядом ногайцев), а затем нанимать их в рекруты¹⁴. Стоило это дорого — 2600 руб. Нам известны четыре случая, хотя, возможно, их было и больше, когда духоборы воспользовались этой возможностью, причем выплатить сразу всю сумму никто из них не смог. Все они взяли деньги в долг у руководителя секты Лариона Калмыкова, который, видимо, выдал им ссуду из общественного капитала Сиротского дома. Избежать службы в армии на законных основаниях могли, конечно же, далеко не все рекруты. Некоторые дезертировали и скрывались в духоборческих селениях, а остальные, напутствуемые родителями не стрелять в людей, шли служить, участвовали в Крымской войне и даже получали награды.

Властям было известно, что духоборы скрывают дезертиров. После прихода к власти Николая I, не допуская никакого политического или религиозного инакомыслия, отношение государства к духоборам резко ухудшилось. Уже в феврале 1826 г. в высшей администрации встал вопрос о выселении их с плодородных земель Таврии куда-нибудь в отдаленные места. На заседании Комитета министров 6 февраля генерал Ермолов предложил всех вновь появлявшихся духоборов селить на Кавказе за новой линией укреплений. По его мнению, это принесло бы двойную пользу: "... люд и сии, находясь всегда впереди противу горских народов, по необходимости должны будут оружием защищать свое имущество и семейства, а во-вторых, тем, что другие, видя таковое употребление духоборов, будут воздерживаться от вступления в духоборческую секту"¹⁵. В 1841-1845 гг. духоборы были выселены в недавно присоединенные к России, отдаленные районы Закавказья. Выселяя духоборов, государство пыталось решить сразу несколько проблем: удалить опасную секту подальше от православных, колонизовать Закавказье и, конечно же, поставить сектантов в такие условия, когда они будут вынуждены отказаться от своих основополагающих догматов и, возможно, кто-то из них даже вернется в православие.

На Кавказе не было воинской повинности, но духоборам сразу же пришлось столкнуться с кочевавшими в тех местах татарами и делавшими постоянные набеги из-за кордона турецкими бандами. Они угоняли скот, уводили в плен людей. Духоборы пытались наладить со своими агрессивными соседями мирные отношения. Известен, например, такой случай: во время нападения турецкой банды на село Орловка один из старейшин вынес на улицу стол, поставил хлеб-соль, чтобы показать, что духоборы не хотят воевать, что они мирные люди. Однако турки на скаку срубили ему голову и разгроми-

ли село¹⁶. В такой ситуации духоборы были вынуждены взяться за оружие. В каждом селе были созданы отряды "казачков", на которых была возложена охрана. Местные власти, не имея возможности защитить духоборов, предложили им приобрести ружья за казенную цену¹⁷. В каждом доме появилось оружие, которое духоборы применяли, отстаивая свое право на жизнь. Постепенно бряцание оружием вошло в моду среди молодежи. Считалось почетным быть казачком, ценилось умение хорошо стрелять, владеть холодным оружием. Стрельбой сопровождалась торжественные похороны, стрельбой отмечали наступление Нового года. Заповедь "не убий" не то что была забыта, а ее понимание было значительно сужено.

Важным этапом в жизни секты стала русско-турецкая война 1877-1878 гг. К этому времени духоборы уже хорошо обосновались в Закавказье, имели большие хозяйства, исправно платили все подати и пользовались благорасположением кавказской администрации. Немаловажное значение в установлении хороших отношений духоборов с властями имели личные контакты руководительницы секты Лукерьи Калмыковой с высокопоставленными чинами. Боевые действия развернулись недалеко от духоборческих селений в турецкой Карсской области, и кавказская администрация обратилась к духоборам с просьбой о помощи средствами перевозки, так как последние занимались извозом и имели лошадей и фургоны. Это была просьба, но отказ от ее выполнения мог испортить отношения с властями, разрушить наладившуюся жизнь, кроме того, выполнение военных подрядов сулило огромные барыши. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в случае победы России рядом, в Карсской области, открывались для заселения плодородные новые земли, в противном же случае духоборы могли потерять и то, что у них имелось.

Помимо всех перечисленных причин, по которым духоборы взялись помогать русским войскам, мы видим здесь и еще одну. Дело в том, что несмотря на очень сильное воздействие на сознание сектантов конфессиональных догматов, на искусственно насаждавшуюся вождями идеологию "особого народа", духоборы, наверняка даже никогда не задумываясь на эту тему, все же глубоко в душе сохраняли сознание общности исторического прошлого с русским народом, а значит и настоящего, а это хорошая почва для появления ростков патриотизма. Проявлялось это, например, в том, что среди них широко бытовали военно-исторические песни, прославлявшие мужество и героизм русских воинов и военачальников. От тех времен до нас дошло предание, в котором рассказывается о

том, как наместник на Кавказе приезжал к Лукерье Калмыковой, якобы обладавшей даром пророчества, за советом, как русским войскам взять упорно сопротивлявшийся Карс. Духоборческая “богородица” заверила его, что не успеет наместник вернуться домой, как Карс будет взят. Лукерья Калмыкова выступает здесь как единомышленница и помощница русских.

За сутки духоборы снарядили 600 парных фургонов¹⁸. В духоборческих селениях были расположены лазареты, и духоборки ухаживали за ранеными, брали их к себе в дома. Проезжавший в 1879 г. через столицу Духобории село Горелое наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич лично поблагодарил духоборов за помощь и объявил, что желающие могут получить земли в завоеванной Карсской области. Часть духоборов воспользовалась этой милостью и переселилась туда, основав шесть селений. В результате выполнения подрядов духоборы заработали полтора миллиона рублей. Духоборческая община очень разбогатела, но с появлением богатства в их домах, начал угасать религиозный энтузиазм, появилось откровенное стяжательство, пьянство. Много позже, пересматривая свою историю, духоборы оценивали косвенное участие в войне как вынужденный грех, однажды совершив который, они постепенно стали и дальше отступать от заветов предков.

В феврале 1887 г. было объявлено о введении воинской повинности в Гореловской волости Тифлисской губернии и Славянской волости Елизаветпольской губернии. В Карсской области воинская повинность была объявлена в 1890 г. Эти события тогда не вызвали сколько-нибудь значительной ответной реакции: вся секта была занята решением вопроса о власти. В декабре 1886 г. умерла бездетная Лукерья Калмыкова, на ней пресеклась династия “христов” и “богородиц”. За пять лет до смерти она взяла к себе в качестве секретаря-фаворита Петра Веригина, происходившего из богатейшей семьи села Славянка Елизаветпольской губернии. Молодой красавец, мот и любитель повеселиться, под влияние которого попала Лукерья Калмыкова, возбуждал острую неприязнь старичков Горелого, которые представляли своего рода духоборческую аристократию. После смерти Калмыковой Петр Веригин заявил о своей претензии на власть и, следовательно, на имущество Сиротского дома, которое было записано на имя Лукерьи Васильевны, но на деле считалось общественной собственностью. Жители Горелого решили, что лучше объявить наследником брата Калмыковой и формально переписать Сиротское на него, а духовного вождя больше не выбирать.

Сиротский дом был не просто материальным достоянием секты, это святое место, Сион, где пребывает их “живой Бог”, это — Отечество, которым все духоборы очень дорожили. Недовольная особым привилегированным положением гореловских кланов, почти вся Духобория, за исключением Горелого и немногих семей из других сел, поддержала Веригина, и его сторонники получили название “большой партии”. Противоположная сторона получила название “малой партии”. Много несправедливых упреков и откровенной лжи, злобы и даже насилия было и с той и с другой стороны, причем и та и другая сторона пытались обосновывать свои действия, опираясь на учение и традиции секты. Вопреки традиционным запретам горе ловцы, неоднократно принимавшие в своем селе местные власти, обратились к ним за помощью, а затем и в суд. П. Веригин был сослан в ссылку, которая повлияла на него совершенно неожиданным образом. Там он начал читать серьезную литературу, познакомился и начал переписываться с толстовцами, а затем и самим Л.Н. Толстым. Их идеи ненасилия, вегетарианства оказали на него огромное влияние. Тем временем малая и большая партии вели разорительные судебные тяжбы. Суд рассматривал дело на основании законов Российской Империи, а большая партия исходила из традиционного обычного права. В августе 1893 г. большая партия окончательно проиграла процесс: Сиротский дом перешел брату Калмыковой, а по сути дела — к малой партии. Еще в ходе процесса по Духобории ходили упорные слухи, что малая партия подкупила суд и местную администрацию. Конфликт вышел за рамки секты и все больше принимал характер конфликта большой партии и местной кавказской администрации, за которой стояло государство. В состоянии экзальтации, враждебного отношения к государству и малой партии большая партия под руководством П. Веригина с осени 1893 г. начала пересматривать свою жизнь. В противовес реальному государству, основанному на насилии, они решили создать свое Царство Божие на земле, основанное на заветах Христа.

Несмотря на огромное расстояние, отделявшее ссылку от его единомышленников, П. Веригин был в курсе всех событий и через посыльных постоянно передавал свои “советы”, которые рассматривались его последователями как воля свыше. Духоборы, обсудив советы Петюшки, как его называли, пришли к выводу, что они не могут служить и убивать людей, гнаться за наживой, пьянствовать и обжираться¹⁹. В конце 1893 — начале 1895 г. они устанавливали новую жизнь. Не все смогли принять ее правила, особенно касавшиеся уравнивания имущества. Сторонники Веригина раз-

делились на “среднюю партию”, которая не приняла идею об обобществлении имущества и постепенно отказалась от вегетарианства, и “постников” — последовательных веригинцев. Такая ломка сознания — процесс долгий и трудный, и, конечно же, наивно было бы думать, что духоборы-постники все как один в считанные месяцы усвоили идеи ненасилия. Если для одних новая жизнь была результатом свободного выбора, то для других, и вначале таких было большинство, это было добросовестное выполнение приказа своего вождя. В конце января 1895 г. постники категорически отказались поддерживать насильническую государственную организацию.

На Пасху 1895 г. по договоренности одиннадцать служивших в Елизаветполе солдат-духоборов во время построения демонстративно отказались от оружия, заявив, что они по своим убеждениям не могут брать в руки ружья. Вершиной духоборческого движения стало сожжение оружия в ночь на 29 июня. В Елизаветпольской губернии и Карсской области эта акция прошла без серьезных эксцессов с властями, но в Тифлисской губернии жители Горелого, решив что постники готовят нападение на Сиротский дом, обратились к властям с просьбой защитить их. Последние направили в этот район казаков и войска. Лично явившийся в Духоборию генерал-губернатор кн. Шервашидзе, перед которым духоборы отказались снимать шапки и которому бросили под ноги ополченческие свидетельства, оставил в селах казаков и разрешил им навести порядок. Наведение порядка вылилось в зверское избиение постников, грабежи и насилие над женщинами. В начале июля 4 тыс. постников было отправлено в ссылку в разные уезды Тифлисской губернии, где в результате непривычного климата и голода многие из них умерли.

Наиболее активные участники духоборческого движения попали в тюрьмы, а затем по этапу в Сибирь. Тех, кто отказался служить или тянуть жребий, жестоко истязали в дисциплинарных батальонах. Министр внутренних дел в состоянии растерянности сообщал обер-прокурору Синода в апреле 1896 г., что духоборы в дисциплинарных батальонах упорно стоят на своем и все переносят терпеливо, “чем в конце концов, несомненно, ставят в крайне тяжелое положение батальонное начальство, ибо за истощением всех мер взыскания, приходится или совершенно отказаться от дальнейшего применения таковых, или же доводить наказания до степени нежелательной суровости”²⁰.

Постники были просто одержимы религиозным энтузиазмом. Известен случай, когда отец солдата, отбывавшего наказание в дисциплинарном батальоне, посоветовал своему сыну,

если ему совсем будет не в мочь переносить страдания, то отказать от пищи и умереть, но не брать оружие. Правительству пришлось заменить наказание в дисциплинарных батальонах 18-летней ссылкой в Восточную Сибирь. На устных преданиях об этих событиях воспитывалось не одно поколение потомков постников.

При всем религиозном энтузиазме в пацифистском движении духоборов 90-х годов при ближайшем рассмотрении за христианскими идеями ненасилия явственно просматриваются прагматические интересы большей части секты. Государство вторглось в ее жизнь, лишило “Христа”, отобрало Сион и передало его “халдеям”, как веригинцы называли малую партию, и совершенно закономерно возникла ответная реакция: неприятие государства. В “Разъяснении жизни христиан”, записанном со слов духоборов, совершенно определенно говорилось: “Государственным законам мы подчинялись, все взносы государственных податей представляли исправно, бездоимочно, а также все отбычи и воинские повинности мы исправляли в точности, помогали русскому государству во всем, чем только могли... И вот мы служили как дети своим родителям, потому что ждали от государя и от правительства себе защиты... До тех пор духоборцы были $\$u^x^c$ м спокойны, пока не вмешалось к нам правительство...” . Осознанно или неосознанно, но пацифизм стал для веригинцев орудием в борьбе с государством.

Инициатором всего движения был П. Веригин, но его идеи падали на уже подготовленную почву и быстро давали всходы. По сравнению с предыдущими периодами духоборческой истории в пацифистском движении 90-х годов появились некоторые новые черты: заповедь “не убий” была распространена на все живое, а не только на человека, духоборы провозгласили принцип ненасилия, отвергнув даже возможность самообороны, полный отказ от финансовой и личной поддержки государственных институтов, связанных с насилием. Несомненно, что немаловажное влияние на духоборческое движение в этом вопросе оказало толстовство. Влияние это было не прямое, а опосредованное, через П. Веригина. От него же исходила идея сожжения оружия. Надо отметить, что он вообще был любителем проведения демонстративных акций, которые были бы замечены, о которых бы все говорили. В дневнике от 6 декабря 1894 г. некто А.С. Дашкевич, познакомившийся с П. Веригиным в Московской пересыльной тюрьме, записал рассказ Веригина о том, что “их община по его инициативе согласилась уничтожить все имеющееся у них оружие, и он... взяв ружье, к которому с печатью прикрепил

письмо к братьям общины с выражением радости своей о совершенном сжигании оружия, которым убивалась жизнь Богом созданных животных, ружье это послал сжечь вместе со всеми”³.

В Славянку наставления Веригина привез его зять и друг Иван Конкин. Он передал, что “быть духоборцем значит не быть солдатом и не быть убийцей не только человека, но и животного. У кого есть оружие на дому, все, что касается убийства — шашки, кинжалы, пистолеты, ружья — все снести в кучу в одно отдельное место и сжечь тайно...”²⁴. Среди духоборов Тифлисской губернии о предполагавшейся акции знали только главы семей, и все держалось в строгой тайне, так что подавляющее большинство духоборов, собравшихся на моление накануне дня Петра и Павла, дня именин Петра Веригина, даже не представляли, что там должно произойти, а тем более, чем это может закончиться. В своих письмах Веригин неоднократно повторял, что духоборы в своем протесте против насилия должны пострадать во имя истины и идти до конца, даже если на этом пути их ждет смерть. И здесь встает морально-этический вопрос: имел ли П. Веригин право, объявив себя последователем заветов Христа, сторонником ненасилия, советовать людям идти на смерть, зная, что его советы для них — закон. Те же, кто прошел через все страдания и остался жив, прочно усвоили идеи ненасилия, положили их в основу религиозного учения и своей жизни. В 1898-1899 гг. они с помощью толстовцев и квакеров переселились в Канаду, где не было всеобщей воинской повинности, и создали общину, основанную на коммунальных принципах, но это уже отдельная тема.

Оставшиеся в России духоборы средней партии, продолжая считать П.В. Веригина своим духовным вождем, и несмотря на продолжавшуюся вражду с малой партией из-за Сиротского дома, приняли воинскую повинность, и те и другие исправно служили в армии и воевали на фронтах русско-японской и Первой мировой войны. За этот период известен только один случай отказа духобора от воинской повинности, и то исходил он от жителя Иркутской губернии, где еще с начала XIX в. существовала небольшая религиозная духоборческая община.

Советская власть установилась на территории, где жили духоборы, только в 1921 г. Отношение к новой власти у двух духоборческих партий было совершенно различное. Среднюю партию возглавлял сын П.В. Веригина — П.П. Веригин. Подражая своему отцу, создавшему в Канаде духоборческую коммуни (Христианскую общину всемирного братства), П.П.

Веригин в 1918 г. попытался создать нечто подобное на Кавказе. Он объявил себя сторонником коммунистических идей и поддержал новую власть. Соответственно и отношение его сторонников к Советской власти было более чем лояльное. Община даже подарила Красной Армии, которая вела боевые действия по очистке уезда от армянских националистов, несколько породистых лошадей. Ревком Ахалкалакского уезда назначил П.П. Веригина товарищем председателя ревкома и в телеграмме Орджоникидзе 6 марта 1921 г. сообщал: “Вся тяжесть по спасению половины уезда от кемалистов была выполнена с честью тов. Веригиным. И единственно благодаря его выдержке и силе воли удалось кое-что сделать”²⁵. В том же году П.П. Веригин получил разрешение советского правительства переселиться с 4 тыс. коммунаров в Сальские степи, но большая часть бывших веригинцев (средней партии) осталась на Кавказе. Как известно, советское правительство 4 января 1919 г. приняло Декрет об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям, под действие которого попали и духоборы. В те годы о них много писали в прессе, особенно толстовцы, которые развивали тему духоборческого пацифизма и коммунизма.

18 сентября 1925 г. был принят новый закон, в соответствии с которым по постановлению губернских судов от службы в армии освобождались лишь члены тех сект, религиозные учения которых запрещали отбывание воинской повинности до 1917 г. В суды в таких случаях приглашали экспертов, могли запрашивать заключения компетентных лиц и учреждений. Представителями интересов духоборов неоднократно выступали толстовцы: В.Г. Чертков, И.М. Трегубов, П.И. Бирюков. Местные власти постоянно нарушали закон или духоборы не вовремя подавали документы в призывную комиссию, поэтому для них вопрос о воинской повинности постоянно стоял на повестке дня.

В конце 20-х годов существенно изменилась политика правительства в отношении к сектам. В печати набирала темп кампания по раскрытию их антинародной сущности, была запрещена их хозяйственная деятельность. Естественно, что это сказалось и на вопросе об освобождении от воинской повинности. Хотя закон 1925 г. оставался в силе, на местах он выполнялся очень плохо. Суд старался уличить сектантов-пацифистов в неискренности. Например, в 1927 г. призывники- духоборы Сальского округа подали в суд свои заявления об отказе от службы в армии по религиозным убеждениям, но сельсовет не дал им удостоверения об их принадлежности к духоборческой общине, а суд счел, что они не последовательно

соблюдают заповедь “не убий”, так как носят кожаные куртки, а во время пахоты режут плугом червей. В результате им отказали в освобождении²⁶. Распространение получила практика, когда сектантов, подпадавших под закон 1925 г., записывали запасными и заставляли брать учетные книжки. В 1927 г. за отказ взять книжки 140 духоборов Сальского округа были оштрафованы, а в уплату штрафа их имущество поставлено на продажу. В этом случае удалось предотвратить незаконные, но в следующем году за то же самое были оштрафованы еще 18 человек, у которых конфисковали скот²⁷.

Лишить сектантов — пацифистов льготы простым путем ликвидации закона в конце 20-х годов правительство все же не решилось. Нужна была инициатива снизу: отказ самих сектантов от освобождения от службы в армии. А поскольку ждать, когда она появится, да и появится ли вообще, не хотелось, а хотелось побыстрее рапортовать в высокие инстанции, то такая инициатива снизу была организована. В сентябре 1928 г. началась подготовка к съезду сектантов Закавказья, на котором последние как раз и должны были высказать свое пожелание служить в Красной армии. В нашем распоряжении имеется уникальный документ: воспоминания организатора и участника этого съезда духобора Г.Г. Балабанова, человека, искренне принявшего новую власть. Этот документ очень красноречиво свидетельствует о тех методах, к которым прибегли организаторы съезда, чтобы получить желаемую резолюцию. Сильное сопротивление они встретили со стороны жителей Горелого (малая партия), враждебно относившихся к Советской власти и упорно отказывавшихся от сотрудничества с ней. Пустив в ход хитрость и подлог, организаторы съезда сумели достичь нужного результата на съезде духоборов и молокан, который прошел в Ахалкалаки в 1929 г. После съезда сектантов “по их желанию” стали брать в армию. И хотя по новому закону о воинской повинности 1930 г. члены, принадлежавшие к пацифистским сектам, имели право в мирное время просить о замене военной службы общепольными работами, а в военное время обслуживанием тыла и фронта, на практике этот закон уже не работал.

После Ахалкалакского съезда уже в 30-е годы было несколько отказов от службы в армии, главным образом со стороны духоборов села Горелое. Отказники исчезали неизвестно куда, и больше их никто никогда не видел. В годы Отечественной войны духоборы служили в армии, воевали на фронтах, те, кто вернулся, имели награды, и хотя было несколько случаев дезертирства, отказов от службы по религиозным убеждениям не было. В последующие годы среди духоборов

появились профессиональные военные, связавшие свою жизнь с армией.

Духоборческий пацифизм — явление очень сложное, не однозначное. В основе его лежали религиозные идеи, но на практике этими идеями управляли вполне мирские интересы. В разные периоды истории пацифизм превращался для духоборов в главное оружие в борьбе с государством, не лояльным по отношению к секте. В условиях тоталитарных режимов вряд ли возможно существование сколько-нибудь последовательного пацифизма, по своей сути несовместимого с организованным государственным насилием.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Толстой Л. Н. Поли. собр. соч. в 90 томах. М., 1954. Сер.3. Т. 70. С.152-153.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф.1307, оп.1, д.52, л.2об.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф.7, оп.2, д.3071, л.10 об.
4. Марченко В. Р. О молоканах и духоборцах // Русская старина. 1896. Т. 86, 5. С. 316.
5. Записка, поданная духоборцами Екатеринославской губернии в 1791 г. губернатору Каховскому // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). М., 1871. Кн. 2. С. 74.
6. ЧОИДР. М., 1874. Кн. 4. С. 145; РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 20, с. 9.
7. РГИА, ф. 797, оп. 1, д. 1162, л. 4.
8. РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 309, л. 2; РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 210, л. 19об.
9. РГИА, ф. 1284, оп. 195, 1816, д. 206, л. 117об.
10. Из выписки о духоборцах, сделанной И.В. Лопухиным 12 ноября 1801 г. ЧОИДР. 1864, кн. 4, с. 48. Марченко В. Р. Указ.соч., с. 316.
11. РГИА, ф. 1284, оп. 195, 1806, д. 5, л. 1-1об.
12. Полн. собр. законов Российской Империи (ПСЗ). Спб., 1830. Т. 40. Ст. 30320. С. 201-203; РГИА, ф. 1284, оп. 195, 1816, д. 20в, л. 407об.
13. РГИА, ф. 1284, оп. 195, 1816, д. 20в, л. 408.
14. ПСЗ, Спб., 1835. Т. 9. Ст. 7535. С. 152. В 1839 г. этот закон был отменен: ПСЗ, Спб., 1840. Ст. 12316. С. 421.
15. РГИА, ф. 1284, оп. 195, 1826, д. 46, л. 9об.
16. Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РО РГБ), ф. 369, к. 42, д. 2, л. 287. Жизнь и страдания Ф.А.Рылькова.
17. Государственный исторический архив Грузии, ф. 16, оп. 1, д. 10631, л. 4.

*

18. Смерть “канцлера духоборческой нации” // Миссионерское обозрение. 1900, 1-6. С. 485.
19. РО РГБ, ф. 369, к. 42, д. 2, л. 224.
20. РО Центральной научной библиотеки Украины, ф. XIII, 2350, л. 1.
21. РО РГБ, ф. 369, к. 42, д. 2, л. 743: К о н к и н Е. Р. Самопожертвованная любовь.
22. РО РГБ, ф. 369, к. 42, д. 2, л. 193-195.
23. Там же, л. 176.
24. Архив автора. В. В. Зыбин. Исповедь старика духоборца. Крестон, 1964.
25. Государственный музей истории религии (ГМИР), ф. 2, оп. 7, д. 808, л. 5.
26. Там же, д. 269, л. 10б.
27. Там же, л. 2.

КАНАДСКИЕ ДУХОБОРЫ КАК МИРОТВОРЦЫ

Козьма Я. Парисоб

Семь тысяч пятьсот русских духоборов, эмигрировавших в Канаду в начале 1899 г., перенесли в Северную Америку свои радикальные традиции. Их философия и образ жизни, как и у квакеров, основывались на убеждении, что дух Божий пребывает в каждом человеке — т.е. на вере, что внутренний голос направляет действия личности. Этот голос, как они говорили, преобладал в историческом Иисусе и продолжает преобладать в людях, живущих сегодня. И поскольку все мужчины и женщины являются сосудами с божественным содержанием, люди эти считали неприемлемым убивать других людей, даже во время войны; отсюда проистекает пацифизм, одна из наиболее характерных и широко распространенных черт духоборов¹.

Духоборы поселились в Западной Канаде и сегодня насчитывают 30000 членов. Другие 500 человек живут в Калифорнии и Орегоне, они переселились сюда в начале этого столетия. Около 30000 живут в республиках бывшего Советского Союза. Независимо от того, где они обитают, большинство духоборов считают пацифистскую традицию центральной для своего социального движения². Канадские духоборы гордятся своей миротворческой деятельностью, которую они развивали в течение прошедших 100 лет в Канаде. Они полагают, что ценности, отстаиваемые ими, оказали влияние на внешнюю политику Канады, особенно в отношении миротворческой активности в Организации Объединенных Наций.

Сожжение огнестрельного оружия в царской России в 1895 г. явилось самым памятным историческим событием, которое оказало неизгладимое воздействие на психологию духоборов. Каким-то образом эти русские крестьяне осознали, что любовь и всеобщее братство — основа их бытия, и потому их долгом и предназначением стал отказ от милитаризма раз и навсегда. Для них любовь связывалась с жизнью и миром — и никогда с убийством. Перековка “мечей на орала” в 1895 г. стала первым массовым организованным актом про-